

Я смотрела на него сквозь сетку просевшего проволочного забора. На поросшем бурьяном дачном участке жался в угол низины домик, обшитый блёклыми от времени, грубо отёсанными досками. Они напоминали старую шкуру, покрытую лишайём облупившейся желтоватой краски. Да и сам летний домик, накренившийся в попытке увернуться от удара ветки старой яблони, выглядел зверьком, даже не пытающимся бежать из прохудившейся клетки. Он недоверчиво, исподлобья, лупил на меня стеклянные глазёнки с желтоватыми от старых занавесок радужками.

Моросило. Тонкий шёлк полоски тумана протыкали высокие иглы выцветшего сорняка, бесцеремонно занявшего все шесть соток участка. Справившись со сломанным ржавым замком, я толкнула тугую деревянную калитку и ступила в сорняковый лес, вмиг промочив ноги до колен. Стоя на пригорке и держась за влажные стебли рудбекии, разросшейся у калитки, я шарила ногой в поисках опоры—где-то в траве были ступеньки. Нащупав первую, я перенесла вес, но сразу же поскользнулась и плюхнулась в мокрую траву.

К мокрой ладони прилип жёлтый мятый цветок—жухлое солнце с чёрной дырой семян. Из-под ломаных лепестков вдруг вынырнула и засемила по пальцам многоножка. Дёрнувшись от испуга, я вскочила и отбросила цветок. Из вдавленной в землю трухи в панике выползали насекомые, обустроившие в ней своё непритязательное коммунальное жилище. На всякий случай отряхнувшись, я обогнула оставшиеся ступеньки и неуклюже сбежала с пригорка.

Пощарапав руки в зарослях чёрной малины, миновав перебитые временем хребты парников, я продралась к старым, корёженным старухам-яблоням, немо и бездельно дожигающим свой век. На отвёрнутой от меня стороне ствола самой высокой из яблонь некогда была прибита реечка—упор для моей детской ноги. Ты подсаживал меня, я забиралась как можно выше на ствол, снимала красные-красные, будто налитые густой кровью, яблоки и бросала их точно в твои крепкие руки. А потом обязательно сползала с дерева на острые углы твоих ключиц. Ты держал меня за лодыжки и, чуть подбрасывая, доносил до крыльца, а я

вжимала голову в плечи, потому что боялась стукнуться темечком о синее-синее небо.

Обловив ногтем ржавую шляпку гвоздя, торчащего из поросшего мхом ствола, я пошла к крыльцу. Опасаясь, что и эти ступени могли прохудиться, аккуратно встала на несущие доски. Достав связку ключей, сразу нашла нужный—в ряду похожих он неизменно угадывался по царапине. Сняла тяжёлый, амбарного типа, замок. Помедлив, вошла в дом, с едва уловимым треском оборвав линовку паучьих сетей в проёме. Меня обдало затхлым, сырым дыханием. Сквозняк вздыбил парусом пыльный рыжий тюль—перегородку между коридорчиком и кухней. Я подхватила его и нырнула в кухню.

Обшита обожжённой вагонкой, продрогшая кухня всё же выглядела уютной. Окинув взглядом жёлто-чёрные стены, я вспомнила, как ты огненными мазками проявлял рисунок дерева, а я заворожённо наблюдала за этим чудом. Мне тогда представлялось, что так красят тигров. Взгляд остановился на участке, обожжённом темнее всего—это я передержала горелку, когда ты предложил порисовать огнём. Мне всё казался недостаточным чётким проявляющийся рисунок... Кровь вдруг прилила к щекам, словно стены отдавали поглощённое когда-то тепло.

На столе стояла массивная советская пепельница из толстого жёлтого стекла. Из неё до сих пор торчало несколько мятых оранжевых фильтров. Рядом лежал старый чёрный «Крикет». Я чиркнула кремнём, и, на удивление, искра дала слабый огонь. Через пару секунд пламя задрожало и потухло. Захотелось курить.

Домик был разделён на кухню, совмещённую с коридором, и комнату. Пространство делила толстая деревянная дверь с похожей на медузу полупрозрачной голубоватой ручкой. Я неуверенно повернула её. Ручка издала родной уху щелчок, будто включивший тумблер учащения биения сердца. Не решившись открыть дверь, я отпустила ручку и вышла из домика.

На заднем дворе, в окаймлённом кирпичами островке, теснился ржавый мангал. Даже прихваченный по периметру крепкой проволокой, он едва держался на разъехавшихся в стороны ножках, чем был похож на не научившегося ходить

рыжего телёнка. Мангал прикрывал лист ржавого железа—на этой «плитке» мы разогревали еду и кипятили чайник.

То было жаркое, приятно душное и оттого приятное лето. Новость о твоём приезде взволновала меня. Я не представляла, как вести себя с человеком, связь с которым ограничивалась фотографией из роддома. Однако мы быстро сладились и обосновались здесь, за несколько километров от деревенской цивилизации. Участок этот, так же как и сейчас, простаивал: у мамы и её родителей не было ни времени, ни сил им заниматься. Лишь пару раз в год мы набегами запасались беспризорно растущими здесь фруктами и ягодами.

Я с трудом выклянчила у мамы разрешение на то, чтобы к тебе приезжать,—жить с тобой она не разрешила категорически. Каждое утро той необыкновенной недели я спозаранку собирала завтрак, хватала велосипед и мчалась к тебе. Как бы рано я ни приезжала, ты уже трудился: то стучал молотком, то пилил что-то... Едва соскочив с велосипеда, ещё из-за калитки я махала тебе, а ты в ответ невысоко вскидывал широкую ладонь и смешно кротко кланялся. Небрежно притулив велосипед к сетке забора, почти на кусты рудбекий, я оголтело неслась к тебе. А после крепких объятий летела в домик накрывать на стол, пока ты споласкивал руки в бочке с дождевой водой.

Завтракали мы всегда вместе. Всё в тебе было удивительно. То, как ты подсаливаешь еду, зачерпывая крупными пальцами щепотку соли из миниатюрной солонки. То, как ровно разламываешь кусочек хлеба и отдаёшь половинку мне. Как, проследив за моим пытливым взглядом, подмигиваешь, а я, жутко смутившись, беру протянутый хлеб, украдкой рассматривая сине-зелёную букву «С» на тыльной стороне твоей ладони. Однажды я нарисовала перманентным маркером на руке такую же букву. Мать, как увидела, заставила немедленно смыть. Я обиделась, а после случайно подслушала, что ты уедешь, как только докосишь участок—за этим, как оказалось, бабушка тебя и позвала. Обычно покладистая и робкая, я демонстративно схватила собранный завтрак и помчалась к тебе.

И вот, худой, но крепко сложенный, ты мерно размахиваешь косой, и под ноги твои ровными зелёными волнами покорно ложится трава. Насаживая на вилы небольшие кусочки волн, я бережно отношу их на самый дальний стог—зелёный духмяный водопад. И постоянно отслеживаю, сколько некошеного моря осталось до жёлтой точки кустов рудбекий.

Тихим вечером, управившись с косой, мы греемся у мангалчика, сидя на неказистых, но прочно сколоченных табуретках, ножки которых всё время проваливаются в мягкую землю. Обжигая пальцы о печёную картошку, мы ждём, пока вскипит

чёрный от копоти чайник. Рассматривая блики огоньков на твоём лице, я вслушиваюсь в тихий голос, ведающий редкие истории о жизни в большом Петербурге. Ты задираешь голову и говоришь, что таких ярких звёзд там никогда не увидишь.

Сумрак начинает перетекать в ночь. Я нелепо, по-детски, вру, что в этот раз мама разрешила остаться с тобой. Ты, конечно же, знаешь, что такого она никогда бы не позволила, но не говоришь ни слова против.

Дом стоит на теневой стороне, оттого комната никогда не прогревается. Ты наливаешь оставшуюся в чайнике воду в стеклянную бутылку и кладёшь её под одеяло, мне в ноги. Ложишься рядом, необыкновенно обыденно обняв меня—так, будто бы обнимал уже много раз. Я лежу в неудобной позе, но боюсь шевельнуться, чтобы не нарушить объятий. Утыкаюсь в полосатое от тельняшки плечо и вдыхаю твой запах. Перед глазами рябит зелёный водопад стога. Я напряжённо держу маленькую ладошку на вздымающихся волнах твоих рёбер и засыпаю самым крепким сном...

К моей неожиданности, мать поутру несколько не злится. Я не помню, ни как мы с тобой прощались, ни как ты уезжал. Запомнилось лишь обещание приехать следующим летом. Больше я тебя не видела.

Затянувшись почти фильтром, я бросила сигарету в щель между листом железа и стенкой мангала. Бычок зашипел, упав на мокрую землю. Я аккуратно приподняла ржавый лист, обнажив испещрённое дырами дно мангала, в котором некогда трещали наколотые тобой полешки. Стрекот сороки выстрелил в спину, я обернулась и задела ногой мангал. Рыжий телёнок подкосил хилые лапы и повалился набок. Серая птица туго замахала крыльями и взлетела, оттолкнувшись от крыши деревянного сарайчика.

Я подобралась к дверям накренившегося назад строеньица. Не успела вытащить крючок из проушины, как дверь по инерции открылась и, ритмично ударяясь о стеллаж, стихла. Раньше тут постоянно гнездились бумажные осы, и я по привычке посмотрела наверх. Над дверным проёмом виднелись две шапки серых ульев. Не отрывая от них взгляд, я сняла с гвоздя ржавый серп и резко, неуклюже срезала обе. Пригнувшись, быстро отступила за порог и прислушалась. Половинка не до конца срезанного улья покачалась и глухо упала на пыльный занозистый пол. В разрезе бумажного сердца зияли пустые соты.

В дальний угол упиралась острым носом коса, будто обиженно отвернувшись от дружно сложенных дачных инструментов. Из долговязого, но крепкого косовища торчала перемотанная чёрной изолентой ручка. Я аккуратно вытащила косу из угла, прихватила лязгнувшее железное ведро и вышла из сарайчика.

Замочив косу в баке с дождевой водой, чтобы дерево разбухло и косовище крепко сидело в кольце, я зашла в дом и принялась за уборку. Вымела грязь из углов кухоньки, вытащила из шкафчика пластиковые посуду и огарки свечей. На глаза попалась солонка с окаменевшими в ней остатками соли. Её и жёлтую пепельницу я плотнее примяла парой дачных штанов в уже наполнившееся вещами ведро. Снимая с гвоздиков пыльную рыжую шторку, я слышала за спиной скрип. Тяжёлая дверь в комнату открылась, будто приглашая войти. Я испугалась, прислушалась. Аккуратно поставила ведро, взяла молоток и зашла в комнату.

Напротив окна стояла двуспальная кровать. По углам, друг к другу лицом, — трельяж и шкаф. На заправленной зелёным покрывалом кровати лежал мой детский комбинезон, замешавший обычно вторую подушку. Я робко прошла в мертво, неуютно тихую комнату. Увидев себя в створке трельяжа — взрослую, испуганную, зажавшую в руке тощую ручку молотка, — я ослабила хватку. Положив молоток на кровать, подошла к желтоватым занавесочкам, изъеденным молью. Потянув за конец резинки, натянутой между двух гвоздиков, я развязала её и сняла пыльные занавески. В старом шкафу лежала лишь пара рабочей обуви — я вытащила её и вдруг увидела в углу скомканную полосатую тельняшку. Нежно взяв её в руки, аккуратно положила на кровать, сгребла остальные вещи и вместе с кухонной мелочью скинула в кучу около мангала на заднем дворе. Найдя в сарайчике растворитель, вылила его в ведро и подожгла.

Вечерело. Рыжие искорки взмывали в чернеющую синь. Я вернулась в дом и села на кровать. Облокотившись на стену, долго держала тельняшку в руках, а затем нерешительно, мельком глянув в окна, поднесла к лицу и вдохнула твой запах. Сердце лихорадочно забилося. Я растянула тельняшку рядом с собой и уткнулась носом в холодное бесформенное плечо. В стёклах окон играли блики догорающих вещей.

Сон был странный: я рассматривала в зеркале своё лицо и читала в нём твои черты. Вдруг почувствовала прикосновение руки к плечу, но не испугалась. Опустила взгляд и увидела знакомую татуировку — букву «С» меж сухожилий большого и указательного пальцев. Я провела щекой по грубоватой коже руки, подняла глаза к зеркалу и не увидела в отражении никого, кроме себя. Но рука лежала. Я резко обернулась и пробудилась.

В глаза светил игривый солнечный заяц, отражённый от зеркала. Я протёрла глаза и спустила ноги с кровати. Посмотрела на небрежно растянутую на кровати тельняшку, скомкала её в руке и вышла на свежий воздух. Рассветное солнце

закатилось за серые тучи, не успев погладить меня по холодным щекам. Накрапывал дождь. Я подошла к горке сожжённых вчера вещей. Из неё глядел на меня жёлтый глаз треснувшей пепельницы. Кинув тельняшку в чёрный прах, вытряхнутый из урны воспоминаний, я вытащила из бака замоченную на ночь косу — косовище за ночь размокло и крепко сидело в кольце. Ухватившись за ручку, обмотанную вспузырившейся, потрескавшейся чёрной изолентой, я начала косить тропу от домика к калитке.

Косьба не давалась: лезвие загушилось, неудобная ручка была прикручена под твой рост. Со всем скоро разнылась поясница, загудели мышцы. Влажное дерево и растрескавшаяся изолента тёрли мозоли на ладонях. Коса то и дело находила на коряги, старые бруски, кирпичи; жухлая трава косилась плохо, косовище застревало — это было уже не то зелёное море, которое красиво ложилось под ноги. Трава срезалась грубо, клочьями. Зло, раздражённо и неграмотно, со всех сил размахивая косой, я хотела как можно быстрее добраться до калитки. Дойдя до изнеможения в зарослях чёрной малины, я остановилась, чтобы не упасть замертво. Страшно болели руки. Посмотрев на пузыри мозолей, я стёрла рукавом пот и морось с лица. В кустах малины висела налитая, не опавшая ещё ягода. Я потянулась к ней, но вдруг одёрнула руку — шип обломился, оставив занозу в пальце. Чёрная ягода упала в заросли. Я подцепила занозу зубами, сплюнула и, схватив косу, в отместку резанула по кустам малины.

Из последних сил выкашивая траву около тухлявых ступенек, я, наконец, дошла до калитки. Пожухлые рудбекии жались друг к другу, опустив плоские головы. Чёрные язвы на солнцах воспоминаний, они злили меня одним своим видом. Я замахнулась косой и срезала несколько стеблей, засадив остриё в землю. Ручка косы обломилась. Взбесившись, я вырвала косу из земли и, обломив пятку, оставила лезвие в земле. Опустившись на колени, я вытащила его, схватила обеими руками за обух и, как серпом, срезала все стебли. Мозоли на ладонях кровили, я вцепилась в пенёк стеблей и нададно, с треском вырвала их корни. Кровь на ладонях смешалась с землёй и зелёным мясом рудбекии.

Сполоснув руки в баке с дождевой водой, я ещё раз взглянула на выскобленную утробу дома. Закрыла двери, повесила замок, положила ключи на наличник над дверью. Проходя мимо останков скошенных рудбекии, я обернулась и посмотрела в глаза дому. Зияющие пустотой стеклянные окна-глазницы не выражали больше ничего. Вчера он был продан.